

ОТ АВТОРА ЦИКЛА «ПАРДУС»

АГРАФЕНА

И БРАТСТВО
ГОВОРЯЩИХ КОТОВ

ЕВГЕНИЙ ГАГЛОЕВ

Аграфена

Евгений Гаглоев

**Аграфена и Братство
говорящих котов**

«АСТ»

2014

УДК 821.161.1-34-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гаглов Е. Ф.

Аграфена и Братство говорящих котов / Е. Ф. Гаглов — «АСТ»,
2014 — (Аграфена)

ISBN 978-5-17-108834-7

Привет! Я — Аграфена, обычная девочка из сиротского приюта в Белой Гриве. Как и многие дети, я попала сюда после войны в Империи. Жизнь текла своим чередом — комендантша Коптильда носилась со своими револьверами, мы воровали огурцы у сельского старосты и иногда пытались избавиться от ошейников, которые мешали навсегда удрать из приюта. В общем, как у всех. Но потом всё пошло кувырком. Сначала появился кот. И ладно бы, просто появился. Но он говорил! И не просто говорил, а ехидничал и язвил. А ещё воровал бутерброды с колбасой у нашей Кухарки. И просил помочь его Братству найти какую-то магическую книгу давно умершей ведьмы. Потом вдруг появились имперские колдуны — Эсселиты, которые искали по всем приютам ребёнка, неподвластного их магии. Ещё бы! Ведь он может изменить судьбу Империи. Интересно, кто бы это мог быть?

УДК 821.161.1-34-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-108834-7

© Гаглов Е. Ф., 2014
© АСТ, 2014

Содержание

Глава первая,	5
Глава вторая,	12
Глава третья,	18
Глава четвертая,	25
Глава пятая,	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Евгений Гаглоев

Аграфена и Братство говорящих котов

Любимым детским книжкам посвящается...

Глава первая, *в которой в теплице старосты заводятся привидения*

Ворованная провизия всегда вкуснее, чем купленная за свои деньги! Да и есть ее куда интереснее.

Аграфена и ее лучший друг Триш знали об этом не понаслышке. К тому же, если бы они и решили купить себе что-нибудь пожевать, им просто нечем было бы заплатить – оба с самого рождения жили в сиротском приюте и, естественно, денег отродясь в руках не держали. Поэтому, когда Кухарка прогнала всех воспитанников из приютской столовой, и, распевая во всю глотку имперские военные марши, начала убирать со столов оставшуюся после ужина посуду, Аграфена и Триш ничего лучшего не придумали, как совершить набег на теплицу старосты деревни.

Порции детям Кухарка всегда давала небольшие, но сегодня она превзошла сама себя. Аграфене досталось три ложки вареного гороха, а Тришу и вовсе две – в столовой он споткнулся с тарелкой в руках и вывалил на пол почти половину своего ужина.

Комендантша Коптильда с утра уехала в столицу, поэтому Кухарка осталась в приюте за главную. Сэкономленные на воспитанниках продукты она свалила в свой мешок, собираясь утащить их домой. Жадная, весьма неопрятная тетка, Кухарка своим внешним видом напоминала паучиху – толстый живот, нечесанные космы, тонкие ручки и ножки. Да и складом характера она обладала не лучшим, так и норовила стянуть все, что попадало в ее тощие заgreбушие ручонки.

Живот Аграфены издал такое громкое урчание, что Триш даже остановился и удивленно на нее посмотрел.

– Твой червяк проснулся! – со знанием дела заявил он.

– Еще бы! Ведь я так и не смогла его заморить! – ответила Аграфена.

Она так сильно хотела есть, что все окружающие ее предметы казались девочке разными вкусностями.

Солнце уже садилось. Его ярко-оранжевый диск, напоминавший оголодавшей девочке блин, медленно опускался за дальний холм, похожий на высокий торт, на котором стоял сиротский приют. Тень от холма буквально на глазах сползала вниз и накрывала расположенную в долине деревню Белая Грива. Маленькие домики с белыми стенами и красными крышами, разбросанные между небольшими рошицами фруктовых деревьев, смахивали на пирожки, рядами уложенные на большом зеленом противне.

Аграфена и Триш только что выбрались через окно спальни для девочек на узкий карниз, перебрались с него на крышу приюта, пересекли ее наклонную черепичную поверхность и перелезли на огромный дуб, растущий рядом с домом.

Теперь оставалось всего ничего – спуститься с дерева и незаметно пробраться через свалку металлолома к железной ограде. Свалка находилась на заднем дворе приюта и представляла собой нагромождение всяких ржавых железяк, оставшихся еще, должно быть, со времен гражданской войны.

Комендантша сего заведения Коптильда, ветеранша тех военных действий, никому не позволяла вывозить эти железяки, утверждая, что они напоминают ей о старых добрых време-

нах, когда она ездила на своем боевом танке и безжалостно громила врагов нынешнего императора Велдора Великого.

В самом дальнем углу решетчатой ограды, окружавшей свалку, было место, где не доставало одного прута. Через эту дыру Аграфена, да и другие воспитанники, частенько покидали территорию приюта, не опасаясь, что их застукает у ворот сама Коптильда или ее младший братец Копотун.

Последний значился в приюте помощником комендантши, но абсолютно ничего при этом не делал. Целыми днями он валялся в гамаке, висевшем во дворе между двумя деревьями, или слушал радио в директорском кабинете, а потом пересказывал сестре последние новости империи.

К забору свалки примыкал большой вольер, обнесенный сеткой, в котором обитал Вельзевул – огромная жуткая псина Коптильды, размером с крупного пони, покрытая косматой черной шерстью. Аграфена всерьез подозревала, что в роду Вельзевула попадались не только обычные собаки, но и драконы, черти или еще кто-нибудь похуже. Пес уважал и боялся только Коптильду, всех остальных же он вообще ни за кого не считал.

Почувяв приближение детей, Вельзевул начал громогласно лаять и яростно бросаться на стены вольера. Хорошо, что они были сварены из металлической сетки и толстых листов железа. Проломить он их не мог, однако и не оставлял попыток сделать это.

Однажды пес сумел порвать цепь и вырвался из своего зарешеченного логова во двор прямо во время послеобеденной прогулки. Третью воспитанников приюта тогда в мгновение ока очутились верхом на высоком заборе, причем сами позже не могли вспомнить, как они туда взобрались. Вторая треть просто попадали в обморок от испуга, а остальным пришлось срочно бежать в прачечную – отстирывать белье. Аграфена тогда оказалась в первой трети, Триш – во второй, а еще один их приятель Пима – в третьей.

Коптильда быстро загнала пса обратно в вольер, угрожая ему револьвером и браня на чем свет стоит, но воспитанники на всю жизнь запомнили тот ужасный день.

Аграфена и Триш быстро пригнулись к земле, чтобы Вельзевул не успел их рассмотреть. Так, на всякий случай. После давней космической катастрофы, когда половина Луны упала на землю, неожиданно обнаружилось, что самые обыкновенные коты вдруг научились говорить. Кто знает, может, и собаки теперь тоже умеют, да только скрывают это? А эта псина знала о девочке много занятного и явно не стала бы помалкивать! Сколько раз она вот так пробиралась мимо него в деревню, а потом возвращалась, нагруженная ворованными овощами!

Ребята прокрались к ограде и выбрались с территории приюта через заветную дыру. По слухам, эту брешь в заборе сотворил сам Вельзевул, сожрав один из чугунных прутьев. Аграфена ничуть в этом не сомневалась! Пес обладал поистине акульей пастью и, наверное, на досуге, когда ему удавалось вырваться, поедал пасущихся около Белой Гривы коров и баранов.

Оказавшись за пределами забора, Аграфена и Триш быстро юркнули в высокую траву.

Вокруг приюта было большое пшеничное поле, немного поодаль которого начиналась тропинка, ведущая вниз, в деревню. Девочка выглянула из травы. Вокруг было совсем тихо. Похоже, их побег остался незамеченным. Они выбрались с поля и поспешили в Белую Гриву.

Коптильда поехала в столицу империи за деньгами, которые ежемесячно выделялись на приютские нужды, и скорее всего останется ночевать в городе, поэтому ребята не опасались, что кто-то их хватится. На берегу небольшого озера, расположенного у подножия холма, Аграфена заприметила спину братца комендантши. Копотун удил рыбу, да поедал пирожки, которые специально для него напекла Кухарка. Вся его поза говорила о том, что ему совершенно все равно, чем там сейчас занимаются воспитанники приюта. Для Копотуна все они, шестьдесят с лишним человек, были на одно лицо.

– Опустит-ка свой кочан пониже! – посоветовала Аграфена Тришу. – Тебя видно из травы. Вдруг Копотун заметит?

– Да он, похоже, вообще спит! – ответил тот.

– Лучше не рисковать!

Парень послушно втянул голову в плечи.

Девочке недавно стукнуло двенадцать лет, а Тришу уже исполнилось четырнадцать, так что он был на голову выше ее. Аграфена считала мальчишку изрядным болваном, но уже сейчас начинала понимать, что, когда повзрослеет, обязательно в него влюбится. Высокий и стройный, с крепким и гибким телом, закаленным в многочисленных драках, Триш обладал зелеными глазами и длинными черными волосами до плеч. На солнце его волосы отливали зеленым цветом. Если бы не это обстоятельство, да не его остроконечные уши, парень был бы совсем похож на человека.

Кто-то из его родителей принадлежал к клану леших – странного и недружелюбного народа, обитающего где-то в дальних лесах страны. Этих непонятных существ не любили и даже страшились. Их считали мутантами и старались избегать встреч с ними. Наверное, поэтому Триша и подкинули на крыльцо приюта, когда он был еще совсем маленьким. Оставалось загадкой лишь то, каким образом маленький леший появился в окрестностях Белой Гривы.

Сама Аграфена оказалась в приюте как раз двенадцать лет назад, в самый разгар войны. У девочки были короткие, вечно взлохмаченные волосы огненно-рыжего цвета, большие голубые глаза и маленький вздернутый нос, который она вечно совала куда не следует и частенько за это получала.

Эти двое считались знатными драчунами, многие дети в приюте их даже побаивались. Правда, только в последние годы, когда они оказались самыми старшими воспитанниками. Поначалу, Триша постоянно задирали за его остроконечные уши, а Аграфену за ее дружбу с ним. Но когда оба подросли, а старшие дети покинули приют, ситуация заметно изменилась. Теперь приютские хулиганы предпочитали обходить их стороной.

Ребята не спеша пробирались сквозь высокую траву, и вскоре из-за пригорка уже показались остроугольные крыши крайних домиков деревни. Аграфена и Триш решили не выходить на большую дорогу, а продолжить свой путь кустами и зарослями. Приютских здесь не очень любили. Местные мальчишки частенько устраивали с ними драки, а старики и старухи жаловались на детей Коптильде, и та потом устраивала воспитанникам серьезную взбучку.

Высоко в небе парил дирижабль имперской жандармерии, похожий на огромную переваренную сардельку. Под брезентовым шаром, надутым горячим воздухом, висела небольшая кабина со стеклянными стенами, сквозь которые было видно сидящих внутри двух жандармов. По указу императора Велдора Первого, в их обязанности входило следить за порядком в Белой Гриве и ее окрестностях. Но как-то Пима соорудил мощный телескоп из осколков разбитых бутылок от шнапса, и Аграфена и Триш смогли разглядеть, чем на самом деле занимались эти бравые служители закона в своей стеклянной будке. А они пили пиво, играли в карты на деньги, спали на своих креслах, и иногда, видимо, от скуки, мутузили друг дружку.

Так что сейчас жандармам явно было не до ребят. Да и что они могли разглядеть с такой высоты? Аграфена и Триш могли показаться им всего лишь двумя черными точками на пшеничном поле, не больше.

Девочка толкнула друга в бок.

Полукровка повернул голову и недовольно на нее уставился.

– Ты чего? – спросил он, слегка нахмурившись.

– Тебе никогда не хотелось удрать из приюта? – немного рассеянно произнесла Аграфена. – Не на время, а навсегда?

– Смеешься? – изумился Триш. – Да я только и мечтаю об этом, как и все остальные сироты. Избавиться от ненавистной Коптильды и стать свободным! Да только ты не хуже меня знаешь, что это невозможно.

Он показал ей на массивный ошейник из кожи и блестящих металлических пластин, плотно сидевший на его загорелой шее.

– Благодаря этому нас тут же вычислят и поймают. И тогда не миновать нам чего похуже, чем сиротский приют, – добавил он, пожимая плечами.

Аграфена горестно вздохнула.

– Еще два года терпеть выходки Коптильды! Угораздило же нас попасть в эту богадельню!

Она сама мечтала жить где-нибудь в столице, кататься на лошадях, летать на дельтапланах, бороздить моря и океаны на больших железных пароходах. Да только на ее шее красовался точно такой же ошейник, замкнутый на небольшой висячий замочек.

На замке девочки был выгравирован порядковый номер 238. Их присваивали каждому ребенку при поступлении в приют. Триш получил следующий номер – 239, поскольку он попал сюда практически сразу после Аграфены. По правилам такие ошейники носили все воспитанники этого заведения. Замочки запирали с помощью магии имперских Эсселитов, и снять их до совершеннолетия не было никакой возможности.

Аграфена как-то слышала, что несколько лет назад из их приюта уже пытались сбежать двое мальчишек. Их быстро нашли по этим самым ошейникам. Видно, Эсселиты могли ощущать магию даже на расстоянии. С тех пор мальчиков больше никто не видел. По слухам, беглецов отправили работать в имперские каменоломни, расположенные где-то в самой глуши игурейских провинций.

Триш мечтательным взглядом уставился на висящий в воздухе дирижабль.

– Когда-нибудь я тоже стану пилотом! – сказал он. – Только не военным, а гражданским. Буду летать на дельтаплане или дирижабле! И тогда уже никто не сможет удерживать меня против моей воли!

Он вдруг споткнулся о здоровенный камень и во весь рост растянулся на траве.

– Будем надеяться, что в небе тебе повезет больше, чем на земле! – улыбнулась Аграфена.

Староста деревни жил в самом большом и богатом доме Белой Гривы. Красивый трехэтажный особняк с просторной террасой и несколькими балконами, как и другие дома, был выкрашен в белый цвет. Дом окружал сад, переходящий в огромный огород, засаженный картошкой, репой и тыквой.

Посадки деревенских жителей то и дело атаковали вороны, поэтому на участке старосты повсюду стояло множество огородных пугал. Некоторые из них привели бы в ужас и человека, но вороны, похоже, их даже не замечали. За особняком возвышались две большие стеклянные теплицы – цель Аграфены и Триша.

Конечно, ребята прекрасно осознавали, что лезть туда опасно, но именно здесь росли самые вкусные и сочные огурцы во всей округе.

К тому времени, когда они добрались до жилища старосты, солнце уже окончательно скрылось за холмом, и на деревню опустились сумерки.

В окнах окрестных домов зажегся свет, со стороны местного трактира «Ржавая подкова» начала доноситься музыка, раздавались пьяные крики и грохот тарелок.

Аграфена и Триш перелезли через кирпичный забор, окружавший владения, и увидели, что в окнах особняка нет света. Неужели им так повезло, что старика сегодня не оказалось дома?

Ребята уже мысленно начали радоваться тому, что они совсем близки к цели, да не тут-то было.

Едва Аграфена и Триш двинулись через огород в сторону заветных теплиц, над дверью особняка зажегся фонарь, и сам староста вышел на крыльцо. Убегать было уже поздно, а спрятаться на открытом пространстве просто негде. Вдоль грядки, на длинных веревках развешивалось свежевystиранное белье.

Ребятам не оставалось ничего другого, как только прикинуться пугалами и застыть на месте, широко раскинув руки.

Староста страдал близорукостью, о чем знали все жители деревни и обитатели приюта. Ему недавно исполнилось семьдесят лет. На его тощей фигуре колыхалась длинная ночная рубаха, похожая на женскую, а лысый череп старика покрывал белый колпак с кисточкой. По всему его внешнему виду было похоже, что он уже собирался лечь в постель.

Староста сладко потянулся, затем разинул рот и широко зевнул.

– И куда же ты выперся, старый олух?! – раздалось вдруг из дома. – Смеркается ведь уже! Все порядочные люди давно готовятся ко сну!

– А может, я не порядочный! – раздраженно бросил старик.

– Оно и видно! Где были мои глаза, когда я выходила за тебя замуж?!

Аграфена с трудом сдержалась, чтобы не захохотать.

Из окна на втором этаже выглянула мадам Бина, супруга старосты. Она, как и ее муж, обладала тощей костлявой фигурой. На голове у нее красовался белый кружевной чепец, а плечи были укутаны в красивую вязаную шаль.

В Белой Гриве ее называли ходячей катастрофой. Где бы ни появилась мадам Бина, вокруг сразу все начинало ломаться, взрываться, гореть и тонуть. Эта женщина просто притягивала к себе неприятности!

Вот и сейчас она попыталась закрыть окно и створкой сшибла с подоконника фикус. Глиняный горшок разлетелся вдребезги в метре от старосты, стоявшем как раз под этим самым окном. Старик от неожиданности выпучил глаза и отскочил в сторону.

– Бина! – раздосадованно завопил он.

– Хватит орать! – строго крикнула в ответ женщина. – Наш ангелочек уже легла в постельку и видит десятые сны!

Мадам Бина захлопнула окно. Она даже не заметила исчезновение цветка.

Ангелочек – единственная дочь этой супружеской четы – Кризельда стояла на балконе третьего этажа и курила одну из папашиных трубок. Эта мощная широкоплечая девица шестнадцати лет от роду весила, должно быть, полторы тонны и с трудом проходила в дверные проемы. Никто в деревне не знал, в кого она такая уродилась, при отце и матери тощих, как сушеные стручки фасоли. Кризельда не так давно начала курить табак, потому что кто-то сказал ей, что это способствует похудению. Но результатов пока явно не наблюдалось.

Аграфена стояла неподвижно на одной ноге с поднятыми к небу руками, и ее конечности уже начали затекать. С какой радостью она сейчас попрыгала бы, чтобы размять мышцы!

Но старик, похоже, и не собирался пока заходить в дом. Он уселся в большое плетеное кресло, стоящее на крыльце, откуда-то вытащил еще одну трубку и начал набивать ее табаком.

Триш, изображавший пугало неподалеку от Аграфены, поднял глаза вверх и остолбенел от ужаса.

Кризельда смотрела прямо на него! Девица довольно улыбалась и подмигивала ему, посылая воздушные поцелуи. Сильно затянувшись трубкой, она выпустила в темное небо сразу два колечка дыма.

Колечки, напоминающие обручальные кольца, сцепились между собой и медленно растаяли в воздухе.

Парень громко сглотнул.

В это время на огород старосты опустились сразу три вороны. Одна из них с важным видом подошла к Аграфене, склонила голову набок и стала внимательно ее разглядывать. Вторая ворона взлетела в воздух и опустилась на голову Триша. Затем с не менее важным видом она начала клевать его прямо в лохматую макушку.

Тот терпел, сколько мог, а потом резко поднял руку, схватил назойливую птицу за крыло и скинул ее со своей головы на землю.

Вороны с громким карканьем разлетелись в разные стороны.

Староста заметил, что на его грядках кто-то шевелится, выпучил глаза и заголосил. Забыв про трубку, он резво спрыгнул с крыльца и схватил валяющуюся неподалеку метлу.

В этот момент вороны неожиданно устремились прямо к старостиной дочке. Кризельда на своем балконе, увидев, что они летят прямо на нее, вздрогнула от неожиданности, выпустила трубку изо рта и начала энергично отмахиваться руками от громко каркающих птиц.

Выпавшая трубка, перевернувшись в воздухе, попала точно старосте за шиворот. Тот, в свою очередь, издал громкий пронзительный визг и начал галопом скакать по садовой тропинке.

На крик из дома выбежала мадам Бина.

– Чего орешь, как оглашенный?! – воскликнула она.

Через мгновение, споткнувшись на ступеньках крыльца, женщина рухнула сверху на как раз пробежавшего мимо мужа. Метла, трубка, чепец и ночной колпак полетели в разные стороны.

Аграфена и Триш бросились бежать. В потемках они не заметили тонкую бельевую веревку и тут же запутались в сохнувших на ней простынях. В белых развевающихся накидках они заматались по огороду, не видя дороги, потом столкнулись друг с другом и вместе упали на землю.

В попытке избавиться от простыней, оба резко вскочили, но тут же налетели на стеклянную стену теплицы и с грохотом ввалились в парник. Операция пошла не так, как планировалось, но все же они добились своего!

Девочка начала быстро рвать огурцы и запихивать их за пазуху. Триш все еще пытался выпутаться из облепившей его еще не высохшей простыни.

Староста и мадам Бина, наконец, сумели подняться.

– Привидения! – заорал староста, тыча пальцем в сторону парников.

– Воры! – завопила его жена.

Схватив наперевес метлу, она понеслась к теплице.

Аграфена в тот момент помогала другу выпутаться из его оков.

Заметив несущуюся к ней старуху, девочка резво бросилась прочь. Освобожденный Триш едва поспевал за ней, быстро перебирая своими длинными ногами. В мгновение ока они перемахнули через забор и рванули в сторону приюта.

Вдгонку им неслись гневные угрозы старосты и его жены.

Отбежав от деревни на порядочное расстояние, ребята углубились в пшеничные поля, окружавшие приютский холм, и только здесь, наконец, остановились, чтобы перевести дух.

Они повалились на землю и громко захохотали. Девочка смеялась так, что по ее щекам потекли слезы. Триш даже не мог говорить, только тихонько повизгивал.

– Фу! – выдохнула Аграфена, когда они немного успокоились. – Едва не попались.

– Ага, – согласился Триш. – Мне даже как-то есть расхотелось!

– Как это расхотелось? – возмутилась она в ответ. – Зря что ли столько стараний?!

Девочка вытряхнула из-под рубахи украденные огурцы и разделила добычу на две равные части. Затем пододвинула к Тришу его долю.

Они тут же приступили к трапезе, громко хрустя сочными овощами.

Приют грозно возвышался перед ними, почти сливаясь с темным небом. Здание строили, надстраивали и подстраивали не один десяток лет, поэтому сейчас оно напоминало башню из разноразмерных коробок, кое-как сваленных друг на друга. Казалось, это высокое несуразное строение давно должно было рухнуть, но каким-то чудом приют все же умудрялся держаться на вершине холма.

– Знаешь, о чем я иногда думаю? – спросила Аграфена.

– О чем?

– Каково это было бы, взобраться на крышу приюта и спрыгнуть с нее с раскрытым зонтиком?

Парень звонко расхохотался.

– Ну ты даешь!

– А что такого? Наверное, не я первая об этом подумала! – с легким возмущением сказала Аграфена, легонько пихнув друга в бок.

– Что-то мне не приходят в голову такие безумные идеи! – признался Триш.

– А меня вот посещают периодически, – задумчиво произнесла она.

Вдоволь насмеявшись и перекусив, ребята выбрались с поля и зашагали вверх по узкой тропинке. Копотун уже ушел с озера. Наверное, доел свои пирожки. Вот кому жилось в приюте сыто и вольготно! А вот Аграфене и Тришу совсем не хотелось возвращаться. Но что они могли поделать? Ошейники Эсселитов не давали им особой свободы передвижения.

Когда друзья уже почти подошли к ограде, окрестности сиротского приюта вдруг сотряс мощный вопль комендантши Коптильды, сопровождаемый громкими выстрелами двух ее любимых револьверов.

Аграфена и Триш испуганно переглянулись.

– Коптильда! – в ужасе прошептала девочка.

– Она вернулась раньше времени! – воскликнул Триш.

– И, наверное, узнала о нашем отсутствии!

Никогда еще они не неслись обратно в приют после подобной вылазки с такой скоростью!

Оба мгновенно протиснулись сквозь дыру в заборе, пересекли свалку металлолома, и с самыми ужасными предчувствиями вбежали во двор приюта, где как раз начиналось вечернее построение.

Глава вторая, *где Пима объедается вареньем, а Коптильда палит из револьверов*

– Кто стащил мое земляничное варенье?! – заорала Коптильда, да так, что на заднем дворе Вельзевул чуть не упал в обморок, а по всей деревеньке Белая Грива разлаялись собаки. Все шестьдесят воспитанников приюта как один вздрогнули от ужаса.

Аграфена и Триш успели влиться в толпу за несколько секунд до того, как комендантша выстроила детей в две шеренги и с грозным видом начала прохаживаться между рядов.

Коптильда, огромная грузная тетка, весом, должно быть, добрых две тонны, уперев руки в бока, пристально разглядывала своих подопечных, пытаясь определить виноватого.

Ее широкую грудь крест-накрест опоясывали патронташи, полностью набитые патронами, а на поясе висели два больших пистолета. В любой момент она мастерским движением могла извлечь их наружу и так же быстро убрать обратно в кобуры. Комендантша любовно называла их «господами револьверами» и не уставала повторять, что именно они не раз спасали ее жизнь во время гражданской войны двенадцать лет назад. Каждый воспитанник приюта знал почти наизусть легендарную историю о том, как Коптильда собственноручно из этих самых пистолетов уложила трех драконов. Правда, Аграфена отлично помнила, что раньше она рассказывала об одном чудовище. Через пару лет комендантша уже утверждала, что завалила двоих, а теперь вот убитых драконов вдруг стало трое. Такими темпами через пару лет, в списке застреленных окажется, наверное, уже с десятков этих гигантских чешуйчатых монстров!

– Вы, маленькие кусочки навоза, прекрасно знаете, как я люблю земляничное варенье! – орала Коптильда. – И знаете, что каждый раз в это время года Кухарка варит его для меня и ставит остудиться на кухонном окне! Так кто посмел похитить целую банку?! Что за наглый, испорченный обжора посмел посягнуть на неприкосновенное, стоило мне только отъехать на десять минут?!

Комендантша, стоявшая в этот момент спиной к детям, резко развернулась на каблуках своих огромных кожаных ботинок и подозрительно уставилась на Аграфену.

– Ты! – прорычала она. – Маленькая рыжая негодяйка! Это ведь твоих рук дело?!

Девочка растерянно замотала головой.

– Отвечай, пока с тобой не начал говорить господин револьвер! – Коптильда выхватила из кобуры один из своих пистолетов и сунула его дуло под нос Аграфене.

– Никак нет! – выпалила Аграфена, вытянувшись по стойке «смирно».

– Никак нет, кто?!

– Никак нет, ваше высокоблагородие! – Девочка почти не дышала.

Коптильда требовала от воспитанников, чтобы все обращались к ней, как к настоящему генералу. При этом комендантша не могла запомнить ни одного имени, поэтому кухарку она называла «Кухаркой», а детей вообще – первым, что приходило ей в голову. Помнила она лишь имена своего брата Копотуна, да единственного приютского учителя Федусея.

Огромной ручищей комендантша схватила Аграфену за шиворот и подняла на уровень своего носа. Ноги девочки оторвались от земли и заболтались в воздухе.

– Имя! – гаркнула Коптильда.

– Аграфена!

– Так кто украл мое варенье, Маргафена?! Покажи мне паршивца пальцем и будешь завтра спать до обеда!

– Я ничего не знаю об украденном варенье! – отчеканила девочка. – Так как я спала!

– Спала?! – От ярости комендантша даже затопала ногами. – Да как ты посмела?! Спать вечером, в то время, когда должна собирать на плантации ягоды вместе со всеми?!

Аграфена от страха зажмурила глаза. Это ж надо было так сгруппироваться?!

По заведенному здесь вечернему распорядку после окончания учебных занятий все воспитанники приюта действительно должны собирать земляники в саду, либо разгребать мусор во дворе, складывая железо в одну кучу, а все остальное барахло в другую.

Но не могла же Аграфена, в самом деле, признаться, что они с Тришем бежали в деревню воровать огурцы из тамошних теплиц? И что там их застукал деревенский староста, и им пришлось убежать от него сломя голову?

– За это, завтра ты одна соберешь две дневные нормы земляники! – гаркнула Коптильда. – А если не справишься, не миновать тебе «копошилки»!!!

– Есть! – Аграфена отдала честь и поневоле поежилась.

Коптильда резко разжала пальцы, и девочка шлепнулась на землю.

Придется завтра попотеть, чтобы собрать четыре ведра земляники. Все лучше, чем угодить в «копошилку». Так комендантша называла глубокую яму, выкопанную позади приюта и заполнявшуюся помоями, да всякими нечистотами. Это отвратительное место, огороженное невысокими деревянными перилами, воняло настолько, что при приближении к нему начинали слезиться глаза.

Малейшее упоминание о «копошилке» – излюбленном месте Коптильды для наказаний провинившихся – наводило дикий ужас на всех воспитанников приюта.

Стоило кому-то из детей оплошать, комендантша тут же хватала его за шиворот и бесцеремонно тащила к этой яме. Уже на месте она обвязывала несчастного под мышками толстой веревкой, бросала в «копошилку» и начинала бултыхать его там, дергая за другой конец веревки. Остальные же должны были стоять рядом, громко хохотать и показывать на бедолагу пальцем. При этом тот, кто смеялся тише всех, летел в яму следующим.

Аграфене «посчастливилось» побывать в «копошилке» трижды! Каждый раз она потом часами отмывалась в озере, пытаясь избавиться от ужасной вони.

– Ну, так что?! – рявкнула Коптильда, грозно поглядывая на остальных детей. – Кто видел вора? Не признаетесь – буду швырять вас в «копошилку» по одному до тех пор, пока она не выйдет из берегов!

– Я видела его со спины, – раздался где-то сзади противный скрипучий голос.

Это оказалась Кухарка, только что появившаяся на крыльце приюта. Аграфену всегда бросало в дрожь при виде этой жуткой старухи с сальными волосами и длинным крючкообразным носом, в котором та частенько любила на досуге еще и ковырять пальцем. На ее фартуке постоянно были какие-то грязные пятна, а мятый колпак вечно съезжал на глаза, придавая ее лицу еще более угрюмое выражение.

– Это был мальчишка, – проскрежетала Кухарка. – Маленький толстый мальчишка с короткими ногами! В шлеме с очками на голове!

Услышав эти слова, Аграфена похолодела.

В приюте жил только один мальчик, подходивший под такое описание. И Аграфена точно знала, что он очень любит сладкое. Его звали Пима, сокращенно от Пигмалион, и он считался третьим членом их с Тришем компании.

Совсем недавно Пиме исполнилось одиннадцать лет. Обычно, он ходил в коротком черном халате с карманами, туго набитыми всякими разными железками, а на голове у него практически всегда был кожаный танкистский шлем с большими очками на потертой резинке. Пима постоянно что-то мастерил, очень много читал и мечтал стать изобретателем, чтобы когда-нибудь устроиться в имперскую Академию наук.

Вот только Пима оказался на редкость невезучим мальчиком.

Даже варенье не смог украсть так, чтобы остаться незамеченным!

Коптильда сразу смекнула, о ком идет речь.

– Я знаю вора! – восторженно воскликнула она. – И сейчас он ответит мне за свои злодеяния!!!

Довольно потирая руки и предвкушая скорую расправу над нарушителем, комендантша начала хищно оглядываться по сторонам в поисках Пимы, однако не обнаружила его во дворе приюта.

Аграфена поняла, что другу удалось скрыться незамеченным, и вздохнула с облегчением.

– А ну-ка найдите мне этого толстопузого паршивца! – приказала Коптильда воспитанникам. – Как бишь его? Перегнيليон?! Кто приведет его ко мне, получит награду – дам облизать тарелку из-под варенья!

Дети тут же бросились врассыпную.

Они не столько желали награды, сколько просто хотели поскорее убраться с глаз разъяренной комендантши.

Аграфена и Триш знали, где искать друга. Обычно Пима прятался либо в амбаре, либо на заднем дворе приюта в самом скопище мусора и нагромождения ржавых железок. Среди металлолома иногда попадались почти новенькие запчасти от старинного оружия, танков и пушек, оставшихся со времен гражданской войны. Пима любил ковыряться в этом старом хламе и выискивал там элементы для своих изобретений.

Ребята сразу побежали на свалку.

Уперев по обыкновению руки в бока, Коптильда начала расхаживать по двору, бросая гневные взгляды по сторонам.

Когда двенадцать лет назад ей предложили место в закрытом казенном учреждении, она подумала, что будет служить надзирательницей в тюрьме, и, согласившись занять этот пост, с радостью отправилась в Белую Гриву. Но на месте выяснилось, что ей предстояло работать в убогом, как она тогда выразилась, сиротском приюте. Коптильда переживала недолго. Она тотчас решила превратить это заведение в подобие тюрьмы! И теперь чувствовала себя здесь как рыба в воде.

Аграфена и Триш нашли Пиму в большой железной бочке. Он прятался там, закутавшись в свой халат. На губах у него были следы земляничного варенья.

– Насколько все плохо? – сразу осведомился Пима, когда они сняли с бочки крышку и заглянули в его укрытие.

– Хуже некуда! – воскликнула Аграфена. – Как ты мог съесть ее варенье? Знал же, что это под строжайшим запретом!

– Знал! – с сокрушенным видом признался Пима. – Но просто ничего не мог с собой поделать! Когда увидел эту банку, такую теплую, пахнущую земляникой, мои руки сами к ней потянулись.

Он расстроено шмыгнул носом и стал вылезать из бочки. Выбравшись, мальчишка приметил у себя под ногами какую-то гайку, поднял ее и сунул в карман.

– Попадет теперь тебе за это от Коптильды! – сказал Триш.

– Это точно... – обреченно кивнул Пима.

Вдруг Триш наострил свои остроконечные ушки.

Позади них раздался тихий шорох.

В следующее мгновение кто-то громко заорал:

– Вот они! Я их нашел!

Все трое резко повернулись и увидели Миссу – противного тощего прыщавого мальчишку лет тринадцати, которого ненавидел весь приют. Мисса был на хорошем счету у Коптильды, потому что при любой удобной возможности ябедничал ей на других воспитанников.

Вот и сейчас он кричал на весь двор, показывая пальцем на испуганных ребят.

– А ну заткнись! – Аграфена и Триш одновременно бросились на него с кулаками.

Пару лет назад, заручившись поддержкой более старших воспитанников, он сильно попортил им жизнь своими издевками и насмешками. Теперь же оба с большим удовольствием мстили ему при каждом удобном случае.

Коптильда появилась через пару секунд, так что ребята даже не успели хорошенько намять Миссе бока. За ней семенила Кухарка.

Довольный собой, ябедник криво заулыбался.

Пима, осознавая, что наказание неизбежно, с виноватым лицом вышел из-за спин прикрывавших его друзей.

– Попался! – ехидно произнесла комендантша, медленно вышагивая в сторону мальчика и вытаскивая по пути из-за пояса оба револьвера. – Маленький трусливый пожиратель чужого варенья! А ну попляши-ка под мою музыку! Растрясси жирок!

Она принялась палить из пистолетов под ноги Пиме. Тому пришлось высоко подскакивать и вертеться на месте, чтобы не угодить под обстрел.

Аграфене и Тришу было бесконечно жаль толстячка, но что они могли поделать?

Вскоре у Коптильды кончились патроны.

Комендантша перевела дух.

– Думаешь, на этом все закончилось? Ну уж нет, толстопузый очкарик! – Она самодовольно рассмеялась. – Главное наказание еще впереди!

Коптильда сорвала с пояса увесистую связку ключей и швырнула их Кухарке.

– Кухарка! Сходи в мой личный продовольственный погреб! – приказала она старухе. – Да принеси мне банку облепихового варенья! Побольше, да подревнее! Сейчас мы посмотрим, на что действительно способен этот маленький обжора!

Кухарка на лету поймала ключи и тут же скрылась из виду.

– Я узнала о таком способе наказания в одной старой книжке! – объявила Коптильда. – Все ждала подходящего случая, чтобы испытать его на практике!

Мисса подобострастно подскочил к комендантше.

– Я помог вам! – залебезил он. – Мисса хороший! Он получит что-то за свою помощь?

– Получит! – она ласково потрепала своего любимчика по голове. – Я же обещала! Коптильда довольна Клипсой!

Аграфена в ужасе стояла на своем месте и не могла оторвать глаз от несчастного Пимы, которого комендантша, подталкивая в спину пистолетами, направляла в центр двора.

Облепиховое варенье, что готовила для Коптильды кухарка, воняло еще похлеще копошилки. От его запаха волосы вставали дыбом, глаза начинали слезиться, а уши просто сворачивались в трубочку.

Пиму ожидало очень жестокое наказание!

Кухарка притащила из погреба огромную банку этого чудовищного варева.

Предвкушая явное удовольствие, комендантша аж подпрыгивала от нетерпения.

Вокруг нее и Пимы во дворе собралась огромная толпа детей.

– Любишь чужое варенье? – с ехидной улыбкой осведомилась Коптильда. – Так я тебя уважу! Ты надолго запомнишь мою щедрость и доброту!

Она поставила перед мальчиком банку, которая оказалась едва ли не с него ростом, и сняла с нее крышку.

– Ешь! – грозно приказала комендантша. – И будешь есть это варенье, пока оно у тебя из ушей не ползет!

Пима осторожно понюхал банку и поморщился.

– А земляничного больше не осталось? – робко спросил он.

Коптильда расхохоталась.

– Земляничное я сама люблю! – воскликнула она. – А маленькие конопатые воришки вроде тебя должны есть то, что им дают! Если, конечно, не хотят бултыхаться в «копошилке»!

Пима тяжело вздохнул. Пару раз и ему доводилось поплавать в вонючей жиже.

Тем временем Кухарка вытащила из замызганного передника ложку, обтерла ее подолом своего платья и торжественно вручила Пиме.

Бедному мальчишке больше ничего не оставалось, как начать есть варенье. Морщась, он с отвращением отправлял в рот все новые порции, стараясь при этом не вдыхать мерзкий запах. Коптильда с блеском в глазах наблюдала за ним. Аграфена и Триш тоже не сводили с приятеля удрученных глаз.

Пима довольно быстро расправился с половиной содержимого банки, но на том запас его сил иссяк.

– Я больше не могу, – признался он.

– Ешь! – упорствовала Коптильда.

– В меня больше не лезет...

– Давись, но ешь! Это надолго отобьет у тебя охоту воровать чужие сладости!

Казалось, Пима сейчас треснет. Он даже начал тяжело дышать.

А комендантша все стояла и продолжала пристально смотреть на мальчика.

Вдруг Аграфена выступила вперед.

– Хватит уже над ним издеваться! – воскликнула она и сама удивилась своей смелости.

Коптильда злобно уставилась на нее.

– Что?! – взревела комендантша. – Я не ослышалась? Это же наша Ифигенна! Ты защищаешь этого очкастого обормота? Да ты никак тоже хочешь отведать моего вареньица?

Аграфена в ужасе отшагнула назад. От одного вида и запаха облепихи ее кидало в дрожь.

Коптильда громко щелкнула толстыми пальцами.

– А ну, Кухарка, тащи сюда еще одну ложку!

Кухарка с готовностью понеслась в кухню.

Триш тоже выступил вперед.

– Тогда уж несите две ложки! – твердо заявил он.

Другие мальчики и девочки, собравшиеся вокруг них во дворе, тоже начали выходить из толпы.

– И мне! – сказал стоявший позади Аграфены мальчик.

– И мне! – подхватила одна из девочек.

– И я хочу варенья! – стало раздаваться со всех сторон.

– Бунт?! – взревела Коптильда. – Да я вас в порошок сотру!

Тем временем Пима зачерпнул оставшееся в банке варенье прямо рукой и быстро швырнул его в кусты.

В это время во дворе приюта появился тощий старик Федусей, преподававший в приюте историю и математику.

Старый учитель носил очки с толстыми линзами. Они постоянно сползали ему на кончик носа, так что их приходилось ежесекундно поправлять. Федусей частенько прикладывался к фляжке со сливовой настойкой, которая всегда была припрятана у него во внутреннем кармане пиджака, отчего походка его была неровной и прерывистой. При этом он всем говорил, что пьет микстуру от кашля. Иногда они пили «микстуру» вместе с Копотуном и потом подолгу валялись под дубом во дворе приюта, а Коптильда грозила перестрелять обоих.

Еще Федусей часто рассказывал, что периодически видит живых чертей. И чем больше он потреблял своей «микстуры», тем больше чертей приходило, как он выражался, с ним пообщаться.

– Госпожа Коптильда! – позвал он и громко икнул. – Вас зовет ваш брат. Он получил срочную телеграмму из столицы!

– Какая еще телеграмма?! – рявкнула на него та. – Не видишь, я тут занята важным делом?! Подавляю восстание аборигенов!

– Послание прямиком из министерства, – пояснил Федусей.

– Я же была там сегодня утром! Неужели не могли сказать мне все на словах!

Старый учитель пожал плечами и покачнулся.

– Копотун ждет вас в кабинете, – сказал он.

– Охота мне бегать туда-сюда! – огрызнулась Коптильда.

Она задрала голову вверх и посмотрела на окно директорского кабинета, расположенного на верхнем этаже здания. В помещении горел свет.

– Копотун! – рявкнула комендантша. – Что там еще стряслось?!

Брат Коптильды даже не счел необходимым подойти к окну.

– Телеграмма! – не вставая с дивана, крикнул он. – Ревизоры императора облетают все школы и приюты страны. Через несколько дней они появятся и у нас.

– Черт! – раздраженно выругалась Коптильда. – Ревизоры из императорского дворца! А у нас тут такой балаган! Эй, вы! – прикрикнула она на притихших воспитанников приюта. – А ну быстро все пошли на уроки!

– Так ведь ночь на дворе, – робко произнес кто-то из детей.

– Точно! – с досадой бросила комендантша. – Значит, шуруйте по своим комнатам! Навести порядок! Отдраить полы! Всем выстирать и погладить свою одежду!

Она повернулась к Пиме, Аграфене и Тришу.

– А с вами, маленькие вонючки, я еще не закончила! – грозно проговорила комендантша. – Как там вас? Мардафена, Клима и Стриж! Сейчас у меня нет на вас времени, но в наказание все трое завтра останетесь без ужина! Ляжете спать голодными, и пусть это послужит вам хорошим уроком! В следующий раз не будете меня злить!

Она резко развернулась на каблуках своих армейских ботинок и быстро зашагала прочь.

– И хорошо, – вздохнул Пима. – А то я варенья, кажется, на всю оставшуюся жизнь наелся!

Воспитанники приюта начали потихоньку расходиться.

Никто из них так и не заметил пары больших янтарно-зеленых глаз, все это время внимательно следивших за происходящим через маленькое слуховое окошко подвала приюта.

Глава третья, ***в которой вспоминают о пророчестве колдуньи***

Телеграмма в приют пришла не просто так. Буквально за сутки до описанных выше событий в столице империи, в величественном дворце императора Велдора Первого произошло очень странное происшествие.

Глубокой ночью, когда в тронном зале проходил торжественный бал, собравший множество знатных столичных особ, на огромную куполообразную крышу старинного замка опустилась женщина в черном развевающемся плаще. Она прибыла верхом на резном рунном посохе. На таких обычно передвигались по воздуху имперские Эсселиты. Может, кто-то и видел ее прибытие, но дворцовые стражники не придали этому особого значения, решив, что прилетел кто-то из приспешников первого министра императора, миледи Лионеллы.

Незваной гостье по виду было около пятидесяти лет. Ее темные волосы, зачесанные назад, украшали длинные шпильки, а стройную фигуру облегалo элегантное платье, предназначенное для верховой езды. Женщина проворно спрыгнула с посоха, одним движением сложила его вдвое, словно антенну от радиоприемника, и спрятала в складках своего плаща. Затем она легким шагом пересекла крышу и спрыгнула на расположенную метром ниже смотровую площадку дворца. На краю площадки стояли широкие мягкие диваны, рядом с ними на специальной треноге был размещен большой позолоченный телескоп. Император Велдор любил нежиться здесь на солнышке после сытного обеда, поглядывая на снующих туда-сюда далеко внизу горожан. Сверху они казались ему не больше муравьев.

Во время бала нижние этажи дворца кишели стражниками, верхние же покои практически никто не охранял. Проникнуть сюда можно было лишь по воздуху, но ни дельтапланы, ни дирижабли просто не смогли бы приземлиться на покатой крыше. А Эсселитов, летающих на своих посохах, император не опасался. Ведь все они повиновались миледи Лионелле, а та считалась его правой рукой.

Никто и представить себе не мог, что далеко не все Эсселиты довольны правлением деспотичного Велдора и тем более некоторые из них могут замышлять что-то против короны.

Женщина в плаще толкнула широкие стеклянные двери и проникла в верхние покои дворца. Оказавшись в большом темном зале с высоким потолком, она быстро огляделась.

Когда-то давно она служила во дворце королевской нянькой. В те времена в этом помещении располагался тронный зал. Сейчас же прислужники Велдора устроили здесь нечто вроде трапезной. Она увидела длинные ряды столов, покрытых темно-красными скатертями, расставленные на них золотые кубки и изящные фарфоровые тарелки.

Этажом ниже раздавалась танцевальная музыка, гости императора отплясывали на балу. Очевидно, те из них, кто продержится до утра, рассчитывали устроить здесь после грандиозное пиршество.

Женщина недовольно поморщилась. В этом был весь Велдор. Он предпочитал гулять, пить и веселиться, да еще иногда казнить неугодных ему людей, в то время как государством фактически управляла Лионелла, злобная ведьма, стоявшая во главе ордена Эсселитов.

Она грустно вздохнула. Будь проклят тот день, когда во дворец короля Ипполита впервые приехала Лионелла! Если бы старый правитель знал, чем все закончится, он, не раздумывая, приказал бы сбросить ее с самой высокой башни замка.

В дальнем углу зала, скрытая за плотными бархатными портьерами, находилась невысокая дверь, ведущая в имперский архив. Туда и направилась женщина. Узкая полоска света просачивалась сквозь щель между дверью и полом – в архиве кто-то был. Она приложила ухо к замочной скважине и прислушалась.

Изнутри долго не доносилось ни звука. Наконец, послышался тихий шелест, будто кто-то перевернул страницу огромной старинной книги.

Женщина толкнула дверь, вошла в помещение и быстрым движением закрыла за собой дверь, заперев ее на большой деревянный засов.

Внутри маленькой комнатки стены были сплошь заставлены массивными книжными полками, а все свободное пространство оказалось завалено рукописными свитками, пожелтевшими от времени. За невысоким колченогим столом сидел древний старик. Архивариус выглядел высохшим и пожелтевшим, подстать своим свиткам, которые он столь бережно хранил. На столе стоял закопченный масляный светильник, при тусклом свете которого почтенный старец читал толстенный фолиант. На носу архивариуса сидели огромные очки с толстыми стеклами, его длинные седые волосы ниспадали на плечи и вились по спине.

Увидев женщину, старик побелел, а глаза, казалось, расширились до размеров его очков.

– Марта?! – в недоумении прошамкал архивариус. – Марта Грегуар Эсселит?! Ты ли это, или я окончательно сошел с ума?!

– Ты не сошел с ума, Доминик! – кивнула ему женщина. – Это действительно я.

– Но как?! Я считал, что ты давно мертва!

– Бьюсь об заклад, об этом мечтают многие обитатели этого дворца! – насмешливо сказала Марта. – Но я пока не собираюсь претворять их мечты в жизнь.

– Тебя наверняка разыскивают, – сказал архивариус. – Как и прочих сторонников свергнутого короля. Ты не боишься так просто заявляться во дворец?

– Я в розыске уже почти двенадцать лет. За это время успела привыкнуть к постоянной опасности.

– И все же!

– Риск есть, – согласилась она. – Но у меня к тебе важное дело!

– Ко мне? – удивился Доминик.

– Ты – хранитель архива! А мне нужна информация.

– А не боишься, что я позову стражу и сдам тебя Велдору или Лионелле? – поинтересовался архивариус. – Среди нынешних обитателей дворца предательство является очень популярным видом развлечений!

Марта подошла к его столу и грозно нависла над тщедушным стариком.

– Ты сам сказал, что у свергнутого короля есть и другие сторонники, – с ласковой улыбкой произнесла она. – Если ты сдашь меня властям, они тебя из-под земли достанут, уж ты мне поверь!

Архивариус вздрогнул и громко сглотнул.

– Так что тебе нужно? – почти шепотом спросил он.

– Я хочу, чтобы ты порылся в летописях государства, – сказала Марта. – Вспомни, однажды, двадцать лет назад, когда Лионелла только вышла замуж за сына старого короля и начала устраивать во дворце и государстве свои порядки, к ней приволокли одну женщину...

Старик взволнованно открыл беззубый рот.

– Игурейскую колдунью?! – воскликнул он.

– Верно, – кивнула Марта. – Эсселиты тогда были не в почете, колдунов опасались и недолюбливали. Крестьяне обвиняли ее в том, что она наводила порчу на их скот.

– Я помню тот день, – сказал Доминик. – Я ведь лично присутствовал на ее допросе. Судьями руководила сама миледи Лионелла, она и допрашивала обвиняемую.

– Ходили слухи, что на том допросе произошло что-то очень странное, – сказала Марта. – Я надеялась, что ты найдешь мне записи тех событий, но раз ты сам там присутствовал...

– Да, – поспешно закивал архивариус. – Я отлично все помню! Миледи скрывала тогда свою принадлежность к Эсселитам и делала вид, что, как и все граждане империи, ненавидит колдунов. Она учинила игуреке многочасовой допрос, но та твердо держалась. Она при всех

обвинила Лионеллу в том, что та сама ведьма и, стараясь сохранить свое лицо, пытается засудить сестру по ордену! Лионелла была в ярости, стала кричать и приказала казнить непокорную женщину. И тогда колдунья произнесла свое пророчество!

Марта склонилась к старику.

– Оно меня и интересует, – сказала она. – Помнишь, что именно она предсказала?

– Игурейская колдунья предрекла Лионелле, что та ответит за свое предательство! – торжественно провозгласил архивариус. – Вот дословно, что она сказала: «Власть твою погубит ребенок, неподвластный магии Эсселитов! Дитя из дворца, избежавшее смерти, и выросшее в казенном доме. С добрым сердцем и чистой душой, она обретет силу, многократно превосходящую твою, и день этот станет последним в твоей никчемной жизни!»

Марта восхищенно замерла.

– У меня тогда прямо мурашки по коже побежали, – признался Доминик. – Так всегда бывает, когда кто-то из Эсселитов творит рядом свою магию. Я сразу понял, что когда-нибудь, пророчество игурейки обязательно сбудется!

– Оно сбудется, – улыбнулась женщина. – Уж будь в этом уверен! Этот момент уже близок.

– Но разве во время дворцового переворота кто-то из придворных смог спастись? – возразил архивариус. – Те, кто не переметнулся под знамена нового императора, были расстреляны на месте, а члены их семей безжалостно уничтожены...

– И все же кое-кому удалось спастись в ту роковую ночь, – сказала Марта. – Двое младенцев из королевского дворца остались в живых. Я сама помогла спрятать их от мести Велдора и Лионеллы. Пророчество явно говорит о ком-то из них. Ты не представляешь, как я рада услышанному сейчас!

Женщина склонилась и поцеловала взволнованного старика в макушку.

– А теперь прощай, мой старый друг, – сказала она. – Не знаю, свидимся ли еще, но я буду на это надеяться.

Марта вышла из архива и быстро зашагала в сторону смотровой площадки.

В этот момент гигантские двери зала с грохотом распахнулись.

Женщина резко обернулась и оцепенела.

Она увидела ту, кого больше всего опасалась, ненависть к которой уже столько лет таилась у нее в душе.

Миледи, первый министр императора и глава Ордена Эсселитов, вошла в зал. Неожиданная встреча удивила ее не меньше, чем Марту. Лионелла выглядела лет на сорок, хотя на самом деле ей было куда больше. Высокая, худая, бледная как смерть женщина с ярко-красными губами и хищным взглядом. Миледи была одета в длинное черное платье и накидку, кружевной шлейф струился за ней по мраморному полу. Ее длинные черные волосы были уложены в высокую, замысловатую прическу, украшенную изящными изогнутыми серебряными спицами.

– Ты?! – гневно выдохнула она через мгновение. – Стражники предупредили меня, что на крышу опустился кто-то из Эсселитов! Но я никак не ожидала увидеть во дворце тебя!

– Отчего же?

– Я считала, что ты давно мертва!

– Приятно сделать тебе сюрприз! – ехидно улыбнулась Марта.

– Последний в твоей жизни! – парировала Лионелла.

Она выхватила свой рунный посох и с силой ударила его железным наконечником об пол.

По черному дереву зазмеились тонкие красные молнии, показывающие готовность посоха к использованию.

Марта вытащила из-под плаща свой и одним щелчком раздвинула его. По виду ее посох напоминал обычную трость с серебряным набалдашником, посох Лионеллы же выглядел,

словно королевский скипетр. Миледи взмахнула своим оружием и резким движением направила его в сторону противницы. Молния, слетевшая с наконечника, врезалась в пол у ее ног.

Едва успев увернуться, Марта раскрутила над головой свой посох и махнула им в сторону Лионеллы. Молния, выпущенная ею, оказалась куда точнее. Шлейф платья миледи тут же вспыхнул, к потолку взвился черный дым.

Она с гневным возгласом сбросила накидку, оставшись в одном платье, и кинулась на Марту.

Посохи скрестились в воздухе, издавая треск и скрежет.

Марта отбила выпад Лионеллы и тут же ударила сама.

Та проворно отпрыгнула, изогнувшись, словно змея, и попыталась зацепить противницу наконечником посоха. Марта едва успела увернуться. Молния Лионеллы метнулась в сторону ближайшего стола и с громким треском разнесла его в щепки.

Горящая скатерть взмыла в воздух, кубки и тарелки, приготовленные для утренней трапезы, разлетелись во все стороны.

Они вновь скрестили посохи и битва продолжилась.

Зал наполнился запахом озона. Так по обыкновению пахло во время грозы. По всему залу раздавался сильнейший грохот от взрывов, разлетающегося на куски дерева и разбивающегося стекла. Через несколько минут на шум прибежали трое стражников в форме имперских войск. Пораженные видом двух сражающихся Эсселиток, они остоленели на пороге.

– На что уставились, недоумки?! – рявкнула на них Лионелла. – Пристрелите эту лазутчицу!

Услышав приказ миледи, стражники одновременно потянулись к кобурам за своими револьверами.

Марта бросилась к огромному витражному окну.

– Не уйдешь! – Лионелла зло расхохоталась.

Ее посох взметнулся в воздух, и яркая молния понеслась прямо в Марту. Женщина проворно запрыгнула на свою трость и взмыла к потолку.

Удар молнии Лионеллы пришелся на окно и миллионы разноцветных осколков посыпались на пол. Миледи и стражники едва успели отскочить в сторону от целой лавины битого стекла.

В ту же секунду Марта, воспользовавшись заминкой, выпорхнула в разбитое окно и скрылась в темном небе.

– Стреляйте! – взвизгнула миледи.

Стражники начали палить вдогонку быстро удаляющейся фигуре, но ни один патрон не достиг своей цели.

– Болваны! – Гнев Лионеллы вырывался наружу. – Идиоты! Вы не только пропустили во дворец лазутчицу, вы еще и дали ей уйти!

Она вскинула посох и окатила всех троих целым каскадом молний. Стражников свалило на пол, и они задергались, точно в конвульсиях.

С надменным видом миледи прошла мимо, даже не взглянув в их сторону. Она приблизилась к двери архива и толчком ноги распахнула ее.

Архивариус боязливо жался за своим низеньким столом.

– Мерзкий старикашка! – Ее ярости не было предела. – Она приходила к тебе?!

Доминик выскочил из-за стола и пал на колени перед Лионеллой, упершись лбом в каменный пол.

– О да, миледи! – заголосил он. – И я как раз хотел отправиться в ваши покои, чтобы сообщить об этом!

– Почему же не отправился?! – Она толкнула его посохом в бок, и немощный старик упал на спину. – Ты с ней в сговоре?!

– Я уже собирался выходить, как вдруг началась ваша дуэль! – поспешно стал оправдываться Доминик. – А когда дерутся два Эсселита, нам, маленьким людям, лучше всего держаться подальше. Не ровен час, испепелите меня в секунду, а мне еще так хочется пожить!

Лионелла зловеще усмехнулась.

– А что мне мешает прямо сейчас превратить тебя в кучу углей, старикашка? – спросила она. – Я к тебе давно присматриваюсь! Ты безвылазно сидишь в своем архиве. Кто знает, какие мысли посещают твою пустую голову?

– Нет, миледи! – взмолился архивариус. – Моя пустая голова совершенно пуста от природы!

– Что от тебя хотела королевская нянька?!

– Она расспрашивала меня о пророчестве! – выпалил старик.

Та недовольно нахмурилась.

– О том бреде, что двадцать лет назад наговорила игурейская ведьма?

– Да, миледи! Она заставила меня все ей рассказать! Вы же знаете этих Эсселитов! Она угрожала мне своим рунным посохом! Что мне оставалось делать? Я все ей выболтал!

Лионелла схватила старика за грудки и рывком поставила его на ноги.

– А почему вообще она интересовалась этим пророчеством? – не унималась она.

– Грегуар сказала, что в момент переворота из дворца смогли вывезти двух детей! – чуть дыша, произнес Доминик. – Она считает, что в пророчестве говорится об одном из них!

Брови миледи изумленно поползли вверх.

Слова старика ее просто потрясли.

– Как?! – выдохнула она. – И где сейчас эти дети?!

Архивариус пожал тощими плечами.

– В пророчестве сказано, что ребенок вырастет в казенном доме. Сейчас ему лет двенадцать – пятнадцать. Значит, он содержится в каком-нибудь государственном приюте, или в какой-нибудь тюрьме для несовершеннолетних...

– А ведь ты прав, – потрясенно прошептала Лионелла. Она швырнула старика через всю комнату, и тот брякнулся в свое кресло. – Сиди здесь! И пеняй на себя, если ты мне солгал! Я тебя испепелю!

С этими словами миледи развернулась и вышла из архива. Ее одолевали дурные предчувствия.

В зал вбежал глава дворцовой стражи Мафусаил. Невысокого роста, толстый и неповоротливый, он обладал почти квадратной фигурой и пышными усами, которые отросли практически до его плеч.

Увидев своих людей, валяющихся на полу без сознания, Мафусаил вытаращил глаза.

– Что здесь случилось?! – писклявым голосом взвизгнул он.

Лионелла схватила его за усы и подтянула его лицо к своему.

– С каких это пор начальник стражников обо всем узнает самым последним? – тихо осведомилась она. – Хочешь, чтобы я пожаловалась на тебя императору? Великий Велдор быстро укоротит твои усищи!

Маленькие глазки Мафусаила едва не вылезли на лоб.

– Не надо, миледи! – запричитал он. – Впредь я буду порасторопнее!

– Хочется в это верить! – Миледи отпустила его усы так резко, что тот едва не свалился на пол. – А теперь слушай меня внимательно!

– Я весь во внимании! – тут же повиновался он.

– Отправляйся на дворцовый телеграф и разошли телеграммы по всем имперским заведениям для несовершеннолетних сирот. Пусть директора приютов, школ и тюрем приготовятся к проверке! Я отправляю к ним своих ревизоров. Никого из детей никуда не отпускать! В госпитали не отвозить! Умерших не хоронить! Понял?!

– Так точно! – Мафусаил резко выпрямился и стукнул каблуком о каблук.

– Иди! – отмахнулась от него Лионелла. – И пригласи в мои покои Рашида, Гребуна и Левтину. У меня есть для них задание.

Глава стражи кивнул и со всех ног понесся исполнять поручение.

Миледи зашагала в свою часть дворца.

На самом верхнем этаже, под куполообразной крышей, располагалась ее лаборатория. Огромное помещение со сводчатым потолком, пропахшее химикатами и разными колдовскими зельями. В центре зала на толстых цепях висел большой шар из блестящего металла. Внутри него постоянно что-то булькало и подергивалось так, что он слегка раскачивался в воздухе. Под шаром постоянно горел огонь, по всей лаборатории от него тянулись тонкие трубки и провода, соединенные с хитроумными аппаратами, закрепленными на стенах.

Рашид, Гребун и Левтина появились в лаборатории несколько минут спустя. Первого и второго только что подняли с их постелей в покоях замка. Последнюю нашли на имперском балу, она была в роскошном наряде из красного шелка.

Рашид, высокий тощий мужчина с костлявым морщинистым лицом, одетый во все черное, приблизился к Лионелле и с почтением поцеловал ей руку. У него были длинные с проседью волосы до плеч. За ним последовал Гребун – низкорослый толстяк с обритой наголо головой. С трудом передвигаясь на своих коротких ногах, он также приложился к руке миледи своими пухлыми губами.

Левтина, войдя в лабораторию, лишь слегка склонилась в реверансе. Она была самой молодой из троих – полноватая женщина с черными, вечно всклокоченными волосами. Впрочем, сегодня они были уложены в элегантные локоны.

Из всех троих самым опасным был Рашид, угрюмый злобный Эсселит, психопат и убийца. Гребун не отличался особой смелостью, но славился своей подлостью и склонностью к разным козням и интригам. Левтина же считалась самой сильной во всем, что касалось колдовства. Она повелевала энергиями и знала наизусть тысячи самых различных заклинаний.

Столь непохожие друг на друга, они являли собой единое целое, ибо было в них нечто общее: жадность, зависть и подлость – их бессменные спутники – объединяли эту троицу в сплоченную команду, готовую выполнить любой, даже самый чудовищный приказ.

– Миледи, – обратился к Лионелле Рашид. – Зачем вы пригласили нас в такое позднее время?

– Во дворец только что проникла Марта Грегуар, – сухо сказала та. – Она пыталась разнюхать о пророчестве игурейской колдуньи, и сказала архивариусу, что у нее есть основания полагать, что пророчество может сбыться.

От изумления у Эсселитов вытянулись лица.

– Но как? – выдохнул Гребун. – Ведь никто из детей не должен был выжить!

– И все же кому-то из них посчастливилось остаться в живых! – скривилась Лионелла. – Я помню, что в ночь дворцового переворота из города выехала карета. Мы смогли ее настигнуть и взорвать, но в спешке не позаботились убедиться, что все пассажиры действительно погибли. А ведь там как раз ехали дети! А вдруг кто-то из них действительно остался жив?

– Так что мы должны сделать? – спросила Левтина.

– С утра отправляйтесь по приютам, тюрьмам, колониям! Найдите мне этого ребенка!

– Нам убить его? – спросил Рашид.

– Нет, – покачала головой Лионелла. – Привезите его ко мне. Я сама хочу убедиться, что игурейка не ошиблась в своем пророчестве.

– Хорошо, миледи!

Все трое склонились перед ней.

– На рассвете мы отправимся в дорогу! – сказал Рашид.

– И не мешкайте! – холодно сказала Лионелла. – И так много времени растрчено впус-
тую! И еще! Проверьте напоследок вокзалы столицы. Возможно, я ошибаюсь, но вдруг Марта
решит сесть на какой-нибудь поезд? Тут-то мы ее и схватим! Я с удовольствием поговорила
бы с ней, так сказать, по душам!

Эсселиты поклонились еще раз и отправились по своим комнатам собираться в дорогу.

Глава четвертая, в которой Аграфена собирает ягоды, а Пима орудует ножницами

Утро в приюте началось с учебных занятий. Предполагалось, что сирот должны научить еще хоть чему-то, кроме как писать и читать. Эти две дисциплины Аграфена знала вполне сносно и просто не понимала, зачем ей еще учить историю, математику, географию и астрономию. Тем более что все предметы вел старик Федусей, а он иногда сам забывал, что именно преподает в данный момент и начинал нести полнейшую околесицу.

Появившись в классе, учитель демонстративно прокашлялся, а потом приложился к фляжке со своей «микстурой», после чего ему явно полегчало. Старик порозовел, начал улыбаться и прямо сочился благодушием.

Шел урок истории. Федусей оглядел мутным взором притихший класс, поправил на носу съехавшие очки, и спросил:

- К сочинению все готовы?
- У нас вообще-то сейчас история, – напомнил ему Пима.
- Ах, да! – кивнул старик. – Верно! Как я мог забыть?!

«Микстура» подействовала быстро – он уже едва держался на ногах. Федусей пытался ровно стоять у доски, на которой висела карта империи, но его постоянно клонило то в одну, то в другую сторону. В конце концов, он решил сесть на стул, и дело пошло куда лучше.

Немного призадумавшись, он начал рассказывать ученикам о том, как великий Велдор свергнул старого тирана-короля Ипполита и провозгласил себя первым императором страны. Федусей рассказывал эту историю практически на каждом уроке, но каждый раз потом забывал об этом и принимался за нее вновь, прибавляя все новые подробности.

– Старый король Ипполит правил много лет, – начал он, – и это были не лучшие времена для страны. Народ платил непомерные налоги, простые люди голодали, в то время как богачи купались в роскоши.

– А разве сейчас происходит не то же самое? – поинтересовался Триш.

– В принципе, да... Но сейчас в стране наведен порядок! – ответил Федусей и громко икнул. – Вся наша жизнь проходит по строгим правилам. Вот взять хотя бы вас. При старом правлении вас бы просто вышвырнули из приюта по достижении восемнадцати лет. И что дальше? Слонялись бы по всей стране, не зная куда приткнуться.

Аграфена подумала, что если бы не война, развязанная Велдором, она вообще вряд ли сейчас сидела бы в этом приюте. Кем, интересно, были ее родители, и что с ними стало?

– А сейчас? – продолжал Федусей. – И думать нечего! После приюта такие, как вы, отправляются в государственную военную академию, где готовят будущих солдат. Станете защищать империю от врагов, благо сейчас их развелось огромное количество. На юге берберийские кочевники, на западе игурейские колдуны, со стороны моря того и гляди пираты нападут. Так что будете защищать свою страну!

– А при старом короле у нас тоже было столько врагов? – спросила Аграфена.

Учитель подозрительно на нее посмотрел.

– А ты что так интересуешься? – сказал он, прищулив один глаз.

– Просто так, – пожала плечами девочка.

– Лучше вам не лезть в большую политику! Меньше знаете, лучше спите! И вообще, хватит на сегодня! – отмахнулся старик. – Идите себе подобру-поздорову!

Федусей вытащил из кармана фляжку со своей «микстурой» и сделал большой глоток. Воспитанники начали расходиться.

После занятий настало время для полевых работ.

У самого подножия холма, на котором стояло здание приюта, неподалеку от озера, располагались плантации клубники и земляники, огороженные высоким забором с колючей проволокой.

Эти бескрайние поля относились к приюту. Воспитанники собирали ягоды, которыми Коптильда потом торговала на местном рынке, выручая неплохие деньги. Предполагалось, что золото расходуется на нужды сирот, но на самом деле комендантша забирала все себе. Иногда, правда, она делилась малой долей с Копотуном и Кухаркой – чтобы не нажаловались в министерство, но бо́льшая часть денег оседала в ее кармане.

Поговаривали, что у Коптильды имеется большой дом, где-то за окраиной деревни. Она держала его закрытым, а сама жила в приюте, на казенных харчах. Так ей не приходилось тратить свое жалованье на еду, дрова и электричество. Комендантша не уставала хвастаться всем своей экономностью, но Аграфена и другие дети знали, что она просто была большой скрягой.

Аграфена, Пима и Триш собирали поспевшую клубнику в большие плетеные корзины. Неподалеку от них на высоком деревянном кресле, под огромным цветастым зонтом, сидел Копотун. Рядом с ним стояли кувшин с квасом и корзина с пирожками. В его обязанности входило следить, чтобы воспитанники не совали ягоды в рот, а клали их в корзины. Но когда толстяка разморило на солнышке, он просто уснул. Тут-то ребята и устроили себе целое пиршество!

А что еще им оставалось? Коптильда запретила всем троим приходить сегодня на ужин. Клубника оказалась для них единственной возможностью хоть как-то поесть.

Вскоре корзины наполнились до предела, как и животы Триша, Пимы и Аграфены. Копотун громко храпел в своем кресле.

Девочка улеглась на мягкую траву рядом с грядками и блаженно зажмурилась. Друзья вытянулись рядом.

В небе над их головами медленно проплывал имперский дирижабль.

– Я совсем не хочу идти в солдаты! – сказала вдруг Аграфена. – Федусей сказал, что ничего другого нам не светит...

– А я хочу? – возмутился Триш. – Да только другого выбора у нас нет!

– Выбор есть всегда! – с уверенностью заявила она. – Если бы мы только могли избавиться от ошейников!

– А что бы ты тогда сделала? – спросил Пима.

– Подалась бы в пираты! – сказала Аграфена. – Или к берберийским кочевникам! Скакала бы себе целый день на лошади, да горя не знала!

– Кочевники живут свободно, – согласился Триш. – Империя им не указ!

– Потому что во время войны они не поддерживали Велдора! – добавил Пима.

– Но они не помогли и старому королю Ипполиту! – возразил Триш.

– Потому что он пытался заставить их платить налоги! Оставил бы их в покое, может, до сих пор сидел бы на своем троне во дворце! – со знанием дела заявила Аграфена. – К тому же захват власти Велдором случился так быстро, что кочевники просто не успели прийти на помощь Ипполиту.

– Откуда ты все это знаешь? – удивленно спросил Триш.

– Слушать надо было внимательно! Федусей нам об этом рассказывал на уроке математики!

– Я тоже не хочу идти в армию императора, – признался Пима. – Я вообще боюсь всякого оружия. Лучше податься в ученые, чем идти воевать!

В это время на клубничной плантации появилась Коптильда. Она увидела, что ее братец храпит, подошла и резко стряхнула его с кресла. Очутившись на земле, Копотун вмиг

проснулся. Пытаясь сообразить, что произошло, он хотел было сесть, но только опрокинул стоявший рядом кувшин с квасом на траву.

– Что?! – спросонья закричал он. – Где?!

– Так вот, значит, как ты следишь за этими ворюгами и прихлебателями?! – вопила Коптильда. – Они, наверное, съели уже половину моей клубники!

– Да я глаз не сомкнул! – обиженно сказал Копотун.

– Я видела! Нашла, кому доверить такое ответственное дело! Пустоголовому простофиле!

– Это я-то простофиля?! – возмутился он. – Да я самый умный человек во всей округе! Комендантша усмехнулась.

– Твоя голова такая же дырявая, как этот кувшин! – сказала она.

– С этим кувшином все в порядке!

– Да неужели?

Коптильда подобрала пустой сосуд с земли и треснула им брата по лбу, да с такой силой, что кувшин разлетелся вдребезги.

Комендантша в негодовании зашагала прочь, а Аграфена и другие дети покатались со смеху. Бедный Копотун лежал на животе и злобно поглядывал в их сторону.

– Не было бы мне так лень, – процедил он сквозь зубы, – уж я бы вам наподдавал! А ну проваливайтесь отсюда! Не мешайте мне отдыхать!

– Ура! – обрадовался Пима. Он склонился к Аграфене и Тришу. – Пойдем со мной, – заговорщицким тоном произнес он. – Я кое-что вам покажу!

– Мы, наконец, увидим, для чего ты собираешь все эти винтики и гайки? – спросила Аграфена.

– Нет! – он покачал головой. – Для этого еще слишком рано. Я не люблю показывать свои изобретения в то время, когда они еще не закончены! У меня есть кое-что другое, и мне не терпится уже это опробовать!

– Пойдем! – кивнула девочка. – Только сначала уберем ягоды с солнца, а то они прокиснут и превратятся в «микстуру от кашля». Федусей будет только рад, а Коптильда нас всех потом в «копошилку» пошвыряет!

Они затащили корзины под высокий навес, скрыв их от солнечных лучей, затем направились вслед за Пимой на задний двор приюта.

Здесь стоял большой амбар, заваленный разным барахлом. Комендантша хранила в нем дрова для растопки кухонной печи, метлы, грабли и лопаты для огородных работ. В дальнем углу Пима оборудовал себе тайный угол, где мастерил всякие штуки. Сарай все время стоял закрытым, на его дверях висел большой замок. И все же пробраться внутрь не составляло особого труда через небольшую дыру в стене, скрытую куском фанеры.

Пима отодвинул заслонку, и ребята протиснулись внутрь. В сарае было тепло и сухо, пахло свежими опилками. В центре стоял большой паровой котел, склепанный из толстого железа, благодаря которому зимой в комнатах приюта сохранялось тепло. От него отходило множество тонких медных трубок, исчезавших где-то под потолком.

– И что же ты хочешь нам показать? – поинтересовалась Аграфена.

Пима осторожно подцепил пальцами одну из досок пола и приподнял ее. Там оказался глубокий тайник. Мальчик просунул туда руку и извлек на свет здоровенные ножницы по металлу.

Аграфена и Триш шарахнулись в сторону, решив, что он их сейчас прирежет ими. Но Пима только ухмыльнулся.

– Я точил их две недели! – сообщил он. – Дормидонт выковал их из закаленной стали, так что они режут даже металл!

Дормидонт – деревенский кузнец, в чью мастерскую частенько тайком сбегал Пима. – Веселый и остроумный старичок с вечно торчавшими в разные стороны волосами, будто его то и дело било током, всегда ходил в длинном кожаном фартуке и специальных защитных очках. Пима частенько помогал ему чинить всякие механизмы, которые потом крестьяне использовали для посева и уборки пшеницы или в других хозяйственных целях.

– Зачем они тебе? – спросила Аграфена, с опаской разглядывая ножницы.

– Хочу кое-что проверить! – Пима подошел к Тришу и усадил его на старый, сильно потрепанный стул. Затем немного запрокинул ему голову и приготовился перерезать ножницами злополучный ошейник.

– Думаешь, получится? – скептически спросила девочка. – Мы ведь уже несколько раз пытались. Резали их ножницами, пилили кухонным ножом, даже серпом пробовали – все без толку!

Однажды она пыталась разрубить ошейник топором и едва не снесла Тришу голову. Парень потом не разговаривал с ней целые две недели.

– Но в этот раз ножницы очень крепкие! – пыхтя от натуги, произнес Пима.

Он крепко сдал ручки.

Послышался громкий треск, посыпались искры. Ножницы с щелчком переломились пополам, не причинив ошейнику никакого вреда.

Вздвогнув, Триш резко отпрянул и свалился со стула.

– Меня током ударило! – возмущенно воскликнул он.

– Током? – удивился Пима.

– Магия Эсселитов, – напомнил ему парень, поднимаясь с пола. – Она не дает снять ошейник никаким инструментом. Кроме такой же магии.

– Да кто они такие эти Эсселиты?! – с негодованием воскликнул Пима. – Откуда у них такие способности?!

Аграфена вдруг поняла, что и сама этого не знает. Эсселиты существовали всегда, и она ни разу не задавалась вопросом, откуда они вообще взялись.

– Надо будет как-нибудь спросить об этом у Федусея, – сказала она. – Он ведь уже старый и явно должен что-нибудь знать об этом!

Пима открыл свой тайник и раздосадованно швырнул туда обломки ножниц.

– Все равно что-нибудь придумаю! – с хмурым видом пообещал он.

...В потолке прямо над головами ребят зияла большая трещина. Сквозь нее все это время за ними пристально наблюдали большие янтарно-зеленые глаза с узкими черными зрачками.

Глава пятая, *где Аграфена и ее друзья попадают в засаду*

Вечером все обитатели приюта отправились в столовую, за исключением Аграфены, Триша и Пимы, которые все еще были наказаны и, естественно, лишены ужина. Кухарка готовила просто отвратительно. Ходили слухи, что она иногда подкидывает в кастрюлю червяков или подливает туда машинного масла, так что совсем не удивительно, что от этих кулинарных шедевров исходил аромат, как от «копошилки». Но Аграфена сейчас согласилась бы и на ее стряпню. Съеденной днем клубники надолго не хватило, и живот предательски урчал от голода.

Ребята вышли во двор и присели на сваленные у забора железные бочки из-под керосина.

– Есть хочется, – жалобно заныла девочка.

– Ага, – подтвердил Триш. – Я бы сейчас слона, наверное, съел!

– А все из-за некоторых... – Аграфена пихнула локтем Пиму в бок, да так, что тот чуть не свалился с бочки.

– Виноват, – согласился он. – Но сделанного не воротишь.

– И что нам теперь, с голоду помирать? – спросил Триш.

– А пойдем в деревню? – предложила Аграфена. – Стащим из теплицы каких-нибудь овощей, ими и перекусим? Только к старосте больше не пойдем – странная у него какая-то семейка!

Мальчишки приняли ее предложение единогласно.

Все трое отправились в деревню. На улице уже смеркалось, так что им удалось без труда выбраться из приюта незамеченными. Лишь Вельзевул в очередной раз едва не проломил забор, когда они прокрадывались мимо его вольера. Но как только ребята отошли на несколько метров, псина сразу успокоилась.

Аграфена, Триш и Пима спустились с горы и затаились в кустах у окраины деревни, чтобы обговорить план дальнейших действий.

На этот раз они выбрали своей целью теплицу с помидорами, принадлежавшую церковному сторожу, злущему старику с деревянной ногой. Однако бегал этот дед так быстро, что мог запросто догнать даже Триша! Сторож жил на самом краю деревни, рядом со старой церковью. Теплица стояла у самого дома – высоченный куб из прозрачного стекла. Старик всегда запирал ее на ночь на большой висячий замок, однако одно из боковых стекол легко снималось.

– Мы-то с тобой пролезем, – сказала Аграфена Тришу. – А вот этот толстяк по-любому не пройдет!

– Да не такой уж я и толстый! – возразил Пима. – Просто у меня крупная кость! А еще я немного пухленький!

– Пухлее не бывает! – согласилась девочка. – Ты весишь, наверное, не меньше Коптильды или Кризельды. Это две самые главные толстухи наших краев!

Триш поежился.

– Как вспомню взгляд Кризельды, прямо в дрожь бросает! – признался он. – Не иначе она решила меня подкараулить при случае и слопать!

– Не бойся! – рассмеялась Аграфена. – Ходи повсюду с Пигмалионом. Когда она увидит нашего толстячка, сразу забудет про твою кожу да кости!

Выждав еще немного времени, когда на улице совсем стемнеет, они отправились к домику сторожа. Ребята перелезли через деревянный забор, хозяина дома не было видно. Наверное, сидел сейчас в «Ржавой подкове», а может, вообще лег спать пораньше.

Аграфена и Триш пробрались в теплицу, начали рвать помидоры и рассовывать их по карманам. Пима остался караулить снаружи. Собак сторож не держал, так что ребята были уверены в успехе своей операции.

Набрав добычи, ребята вылезли из теплицы и знаком показали Пиме, что все в порядке и можно уходить. Все трое собирались уже направиться обратно к забору, как вдруг в темных окнах домика сторожа вспыхнул свет.

Старик резво выскочил на крыльцо, громыхая своей деревянной ногой.

– Воры! – завопил он, увидев их. – Держи воров!!!

Вслед за сторожем на крыльцо выбежал его сын, здоровенный прыщавый мальчишка-подросток. С огромной дубиной в руках он бросился в погоню за воришками.

И тут Аграфена поняла, что в этот раз они сильно просчитались, выбрав своей целью именно эту теплицу. Обычно церковный сторож всегда был один, а с сыном виделся только во время школьных каникул, когда тот приезжал в Белую Гриву из соседней деревни, где жил с матерью. И девочка совсем не подумала, что сейчас как раз такое время!

Аграфена, Триш и Пима ломанулись сквозь растущие рядом с теплицей кусты жимолости, теряя на ходу ворованные помидоры. Мальчишка, оказавшийся очень проворным, понесся за ними, угрожающе размахивая своей дубиной.

Ребята с разбегу перемахнули через забор. Их преследователь перескочил следом и издал громкий свист, на который со всех сторон мигом сбежались его приятели из соседних домов. За Аграфеной и ее друзьями несло уже пять человек.

Дело пахло керосином.

Сын сторожа на бегу размахнулся и швырнул свою палку под ноги Тришу. Парень запнулся и рухнул на землю.

Гнавшаяся за ним толпа издала восторженный рев.

Увидев, что Триш упал, Аграфена остановилась и побежала обратно – на выручку к другу. Пима даже не сбавил ход. Вскоре он скрылся в ближайших кустах.

– Попались! – восторженно крикнул сын сторожа. – Ворюги! Сейчас мы вам надолго отобьем охоту шарить по чужим огородам!

– Правду Мисса сказал! – подхватил второй мальчишка. – Хорошо, что мы уже наготове сидели!

Аграфена изумленно вытаращила глаза. Этот ябедник сдружился с деревенскими! Видимо, он рассказал им, что сегодня кое-кто из приютских останется без ужина и наверняка захочет поживиться чужими овощами. Стало быть, он тоже иногда похаживает в деревню!

Триш вскочил на ноги и принял боксерскую стойку.

Аграфена подскочила к нему, подхватив с земли брошенную дубину.

– Кто первый? – грозно спросила она. – Сейчас всем вам наваляем!

Деревенские мальчишки даже слегка оторопели.

– А это что за рыжая бестия?

– Это я-то бестия?! – разозлилась Аграфена. – А ну подходи! Сейчас угощу тебя отбивной по ребрам!

Девочка внимательно осмотрелась по сторонам. Неподалеку от нее у дороги пошевелились кусты. За ними явно кто-то скрывался.

– А ну выходи, заячья душа! – крикнула она. – Думаешь, не знаю, что ты там, предатель?!

Из-за кустов высунулся Мисса. Он довольно улыбался.

– Лопни мои глаза! – удивленно воскликнул Триш. – Он действительно сдал нас этим!

– Вы меня всегда недооценивали! – ехидно сказал Мисса. – Кто бы мог подумать, что за столь невзрачной личностью скрывается такой гений злодейства!

– Иди сюда, гений злодейства! – крикнула Аграфена. – Ты испортил нам весь план! Сейчас дам тебе за это такого пинка, что долетишь до самого приюта!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.